

Доказательства характера - очень сложная вещь. В деле «он сказал, она сказала» присяжные поверят тому, кто покажется им более заслуживающим доверия, а свидетельства о характере - это один из способов убедиться в том, что человек заслуживает доверия.

Обычно я даже не утруждаю себя доказательствами характера в поддержку своего клиента - в деле о самообороне разрешается предлагать доказательства репутации или мнения о жертве, которые могут быть использованы для объяснения того, почему обвиняемый почувствовал необходимость дать отпор. Это не было проблемой.

Мне не пришлось бы бороться, чтобы занести это в протокол.

Проблема была конкретно в этом деле.

У нас был обвиняемый-мутант и жертва-человек.

На данный момент не существовало обязательного прецедента относительно того, как следует рассматривать силу мутанта в глазах закона. Калифорния, округ Колумбия и верхний штат Нью-Йорк - все они рассматривали фактический эффект силы мутанта, прежде чем решить, классифицировать ли его как смертоносное оружие.

В то же время во многих штатах на юге они считаются смертоносным оружием, если только обвиняемый не докажет, что его невозможно использовать в качестве оружия - например, если мутация заключается в способности видеть в других спектрах света.

Однако это не было обязательным прецедентом. В штате Нью-Йорк не было высших судебных инстанций, которые могли бы дать мне окончательный ответ на вопрос о том, как рассматривать способности мутантов.

И, как ни тревожно, все убедительные прецеденты свидетельствовали против Джона.

Все это означало, что если мы не найдем кого-нибудь, готового встать на сторону Джона, то, пока я не вызову его в суд - а поверьте мне, в таких делах обвиняемого не вызывают в суд только в крайнем случае, - никто не сможет объяснить, как Джон, скорее всего, использовал бы свои способности в тех или иных обстоятельствах.

Поэтому во время встречи с Джоном я спросила его, есть ли у него друзья, которые знают, что он мутант, с кем он использовал свою силу и кто, по его мнению, готов выступить за него в суде.

Он назвал мне список из двадцати имен. И после телефонных звонков и предварительных бесед со всеми двадцатью из них я действительно могла подтвердить, что да, каждый из них с радостью будет защищать его перед присяжными.

Справедливости ради? Мне следовало ожидать такой реакции.

В конце концов, я сама была театральным ребенком.

К сожалению, как бы мне ни хотелось, чтобы двадцать свидетелей встали на трибуну и объяснили, что за человек является Джон Аллердайс и почему предположить, что он стал бы активно нападать на кого-то, было бы просто смешно... Я не могла этого сделать.

Учитывая, что я пыталась исключить двух из трех головорезов Мика по Правилу 403, то же самое было бы использовано против меня.

Зная этого судью, я могла получить максимум двух свидетелей характера, и это был оптимизм.

Мне не платили за оптимизм. Поэтому я дала себе одного свидетеля. И вот тут-то и возникли сложности.

Видите ли, театральная публика часто состоит из неудачников, изгоев, чудаков, «причудливых детей», которые нигде не приживаются. Да, это основано на множестве факторов, но больше всего меня беспокоила внешность.

Внешность человека - это первое впечатление, которое складывается у присяжных, и если им покажется, что свидетель выглядит как чудаков или негодяй, то есть реальный шанс, что показания моего свидетеля будут полностью проигнорированы. Мне нужен был человек, чья внешность не была бы угрожающей, а сразу выглядела бы респектабельно.

Поэтому я остановилась на той, которая напоминала мне саму себя: милая еврейская девушка со Среднего Запада, приехавшая в большой город по случаю.

Она пришла в сопровождении своего дедушки, доброго старика, который, как и Эрик, носил длинные рукава даже в летний день.

Я была очень рада, что мне удалось убедить его остаться на улице во время шуточного допроса.

«Вы знаете обвиняемого всего два года», - сказал Мэтт, вышагивая.

Он стоял на дальнем конце колодца зала судебных заседаний фирмы, напротив присяжных и трибуны. Мне пришлось скрыть улыбку, глядя на его технику: именно так и полагалось поступать на перекрестном допросе. Во время прямого допроса вы стоите прямо перед трибуной, так что свидетель смотрит на присяжных, когда отвечает. Однако на перекрестном допросе? Вы стоите с дальней стороны, поэтому свидетель должен отвернуться от присяжных, чтобы ответить вам.

«Какое это имеет значение? Он все равно мой друг!»

С другой стороны, наш свидетель, с которым Мэтт проводил шуточный перекрестный допрос?

Ну... помните, я говорила, что она напоминает мне саму себя?

Как оказалось, не только в этом.

«Свидетель отвечает на вопрос», - назидательно произнесла я, исполняя на данный момент роль судьи.

«Хорошо, да! Хорошо?»

«А вы дружите меньше половины этого срока».

«Какое тебе дело до того, как долго мы дружим?», - она хлопнула обеими руками по стойке и встала со стула. «Что, разве нельзя просто быть его другом?»

«Черт», - пробормотала я себе под нос и хлопнула молотком по скамье. «Так, все успокоились,

у нас перерыв».

Наша свидетельница-подросток со вздохом откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди, и одарила Мэтта самым неприятным взглядом, на который только была способна, после чего повернула стул лицом к стене.

«Мистер Мердок, не могли бы вы оставить нас наедине? Может быть, проинформировать ее бабушку о том, что происходит?»

«Я могу это сделать», - кивнул Мэтт.

Он вышел из комнаты, и я едва услышала, как он обратился к пожилому джентльмену на улице, прежде чем дверь закрылась.

<http://tl.rulate.ru/book/105574/4033893>